

Татьяна Попова
Одесса

Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций: теория, методология, практика

...идеи, основываясь прежде всего одна на другой,
приобретают смысл только в совокупности
Иммануил Валлерстайн

Историография как специальная рефлексивная историческая дисциплина, изучающая историографический процесс во всей его глобально-темпорально-региональной конкретике многообразия, несмотря на кризисные явления институционального характера, пережила (как и гуманитаристика в целом) за последние десятилетия различные «повороты» – социальный, антропологический, культурный, лингвистический, эстетический, визуальный, материальный, прагматический, пространственный, мемориальный и т.п. Каждый из них – поиск нового ориентира в оптимизации познавательного процесса, некий эпистемологически-инструментальный идеал, на который перманентно, но с известной степенью периодичности направляется фокус исследовательского интереса (и надежды!) ученых. Все увеличивающаяся скорость появления этих «поворотов», не успевающих адаптироваться в профессиональном сообществе, напоминает «безумие недовольности»¹ – постоянно-трагическое осознание нереализуемости имманентного стремления к полноте постижения прошлого и себя в нем.

Среди этих «поворотов» – «вечно непреходящий» *биографический*. Современный Ренессанс биографизма² обусловлен в первую очередь

---

¹ *Беленький И.Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2005. С.48.

² *Биографизм* в современной литературе чаще всего определяют как описательно-аналитический метод сбора и презентации информации о конкретной личности, как теоретико-методологическое основание современных гуманитарных исследований; в этом плане данное понятие выступает аналогом *биографического метода / подхода*.

приоритетной тенденцией в развитии современной историографии, *фокус* которой направлен на «человеческую индивидуальность»³.

В период переосмысления интерпретационных моделей, применяемых к социокультурным сферам жизни, сегодняшнее увлечение историков биографическим жанром заставляет задуматься над проблемой традиций и нововведений, проблемой поиска новых теоретических концептов и методологических подходов и их плодотворного синтеза.

1. Теория. Концепты и традиции

«Вестернизация науки» – знаковая тенденция последних десятилетий, закономерно обусловленная многолетним дозированием опыта «западной» историографии, привела к определенному забвению отечественной практики.

Столкновение научных традиций евроатлантического и восточноевропейского научных полей способствовало тому, что в конце 1980-х и практически на протяжении 1990-х гг. на волне гиперкритики собственного наследия многие представители «ученого цеха» увлеченно заимствовали «западные» нововведения, подчас сугубо декларативно, не вполне постигнув их реальный эвристический потенциал, и одновременно подсознательно сохраняли исследовательские клише, впитанные на генетическом уровне.

В этом контексте изучение историографического процесса в его глобальности, анализ взаимодействия и трансформации западных и «незападных» историографических традиций приобретает особое звучание. При этом правомерен акцент на гетерогенность западного научного поля, дифференциацию западных влияний и их рецепцию в конкретных регионах столь же гетерогенного восточного научного поля⁴.

Био-историописание также подчинено единым линиям глобального процесса. Одновременно каждой культурно-исторической эпохе, «логосу» каждой национальной культуры соответствует свой «дискурс биографического сознания»⁵. Эта специфика находит свое выражение и в самобытном развитии определенных областей знания, проблемное поле которых имеет аналогичный по содержанию абрис, но разные самоназвания и структуриацию в системе «биографического письма».

«Прорыв» в эпистемологии так или иначе проявляет себя в гипертрофии вводимого в исследовательскую практику очередного *концепта*, который чаще всего связывают с конкретной – *новой* – методологией. Эта неизбежная увлеченность найденной «точкой опоры» приводит к очередному

Не отрицая этих смыслов, в нашем контексте *биографизм* приобретает более широкое звучание – как аналог *био-историописания*.

³ Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.556.

⁴ См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / пер. с англ. О.Воробьевой. Науч. ред. Марина Кукарцева. М., 2012. С. 23.

⁵ Бельский И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня. С.38.

редукционизму⁶. Вместе с тем любое нововведение в методологической сфере расширяет пространство исторической рефлексии, и поэтому критический подход к каждому новому направлению должен строиться на основе поиска его методологической продуктивности и определения границ его возможностей, за которыми начинается «чужая территория»⁷.

Категориальный аппарат современных биографических исследований представляет собой конгломерат терминов. Столкновение и взаимопроникновение научно-лексических традиций, «мода» на лексические новации и т.п. приводят к тому, что в одном исследовании применяются понятия «из разных миров» без достаточного обоснования их совместимости. Это, конечно, «болезнь роста». Однако как «развести» понятия: *биографизм, персоналистика, персонология, персонологический принцип, персонологический подход, биографический жанр, биографический подход, биографический метод, биографоведение, биографика, историческая биография, биографистика, методы биографического письма, биографические исследования, частная биография, публичная биография, внутренняя биография, внешняя биография, карьерная биография, профессиональная биография, научная биография, интеллектуальная биография, история персоны, персональная история, биографическая история, индивидуальная история, биограмма и проч.*? И как «соединить» их в едином категориальном поле современного биографизма?

Для этого потребуется не одно исследование из сферы биографистики⁸ – специальной исторической дисциплины, институционализация которой проходит в Украине приблизительно с рубежа 1980-1990-х гг. Но дело даже не в «трудоемкости» подобной работы. Составить универсальный тезаурус⁹

---

⁶ К примеру, деструктуралисты («новые интеллектуальные историки»), отвергая старые формы социального детерминизма, утвердили по сути лингводетерминизм: дискурс оказался сферой подчинения и обусловленности «языком», внеположным автору.

⁷ Баткин Л.М. Полемиические заметки // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. 1995. М., 1995. С.208-210.

⁸ Термин получил распространение в научном сообществе советских историков 1970-1980-х годов. Значительная роль в институционализации биографистики принадлежала В.С.Чишко (См.: Чишко В.С. Біографістика як галузь історичної науки: історіографія та методологія: Автореф. дис.... докт. іст. наук. К., 1997). Однако, на мой взгляд, *объектом* биографистики является не «видатна особа» (Чишко В.С. Указ. соч. С.44), а историческая биография как культурно-историческое явление, *предметом* – история, теория, методология и практика историко-биографических исследований. В этом случае *биографистика* предстает как одна из рефлексивных дисциплин исторического профиля. Термин *биографика* в современной литературе соответствует аналогичной дисциплине в области философских и филологических наук.

⁹ Одна из попыток предпринята С.М.Ляшко. См.: «Додаток 1. Словник термінів біографістики і довідкової біографістики» // Ляшко С.М. Українські біографічні довідкові видання XIX-XX століття: історичні та теоретико-методичні засади. Запоріжжя, 2010. С.267-277.

вряд ли возможно и вряд ли нужно, ибо возвращаться в монометодологизм – бесперспективное занятие. Но в границах конкретного (персонального) биографического исследования при создании собственной «биографической модели» от автора-биографа требуется, безусловно, «лексическая четкость» и понимание соотношения понятий с определенными традициями, даже если в итоге автор «сломает» демаркационные линии между ними. Создание нового синтетического категориального аппарата биографических исследований ориентирует на осознание «генеалогии» понятий, исходных лексических форм, на корректное использование разнообразной терминологии в едином поле «жизнеописания» для оптимизации био-рефлексии.

В мировой историографической практике определились две традиции, согласно которым теоретико-методологическое движение в границах определенного дисциплинарного поля получает свое обозначение. Первая традиция связывает наименования дисциплин с конкретным методологическим ключом, ее истоки – в XIX столетии, на этапе профессионализации научного знания (а подчас еще ранее). Появление новой методологии влечет за собой стремление отделиться от «старой» дисциплины. При этом новое название обычно представлено прежним, но с добавлением транс-временного эпитета – «новая»: *новая историческая наука, новая социальная история, новая интеллектуальная история, новая биографическая история* и т.п. Вторая традиция исходит из сохранения традиционного дисциплинарного статуса с привычным дисциплинарным самонаименованием, при этом содержание дисциплины изменяется за счет расширения предметной (проблемной) области, новых инструментально-операциональных подходов, эпистемологических и категориальных образцов и проч. В этом случае стратегии обновления дисциплинарного багажа в целом или его секторов (фрагментарно) приводят к укреплению дисциплинарного статуса. И в том и в другом случае появляются новые «сегменты знания», которые требуют своих наименований – происходит обновление научной лексики.

Пересечение (столкновение) традиций влечет за собой вариации результативных форм: ассимиляцию, частичное поглощение, совмещение на уровне категориальных смыслов, методологических подходов и проч.

Представленная ниже композиция – вариант возможного объединения «новой» и «старой» терминологии в едином исследовательском пространстве с учетом научных традиций и их соотношения.

Современные *биографические исследования* (понятие, получившее распространение с 1980-х гг. в советской литературе) в области исторической науки, включают три ветви: 1) *коллективную историю*; 2) *индивидуальную историю*; 3) *эго-историю (автобиографию)*.

Все три ветви – пересекающиеся сферы единого историко-биографического поля, их дифференциация – условна, т.к. любой тип биографического анализа осуществляется в общем ареале исторической науки и ее субдисциплин с выходом в междисциплинарное пространство.

Коллективная история, или *история коллектива* (в том числе – *научного сообщества*), или *коллективная биография* – сфера в первую очередь специальной дисциплины – *просопографии* в том виде, в каком эта дисциплина сложилась в «западной» традиции и получила свой статус в современной отечественной и российской науке.

Индивидуальная история, или *персональная история* – самоназвание историко-биографических исследований, объект которых – история одной жизни от момента рождения до момента смерти во всей ее уникальности и в достижимой полноте¹⁰.

Персональная история – сложно структурированная область научных исторических исследований; ее составляющие – относительно автономные *предметные поля* (со своей спецификой исследовательских задач и методологических ориентиров), определяющие конкретный *тип биографического анализа*.

Система *типов биографического анализа* имеет свою конфигурацию: разные типы могут объединяться в *единое тематическое поле* (например, *человек в объективной драме истории* – по Э.Ю.Соловьеву¹¹), определять конкретный ракурс анализа («внутренняя биография», «эволюция души», «экзистенциальная биография», «приватная биография», «внешняя биография», «карьерная биография», «профессиональная биография» и другие направления, предложенные, например, Дж.Леви¹² и Д.Уокером¹³, а также их всевозможные вариации), а по исходным теоретическим позициям ориентироваться на «принципиально различные образцы» – микроисторию, психоисторию, модели рационального выбора, теории культурной и гендерной идентичности, включая т.н. «традиционную биографию» (в позитивистском, марксистском и др. вариантах) и проч. Исходя из этого «новую биографическую историю» – «социальную персональную историю» – вряд ли стоит рассматривать как аналог всей персональной истории. Ее восприятие может идти двумя путями: либо как *определенная биографическая традиция* – «западная» (но отнюдь не абсолютно «новая» для отечественного биографизма!), либо как одно из ведущих на сегодняшний день

---

¹⁰ Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С.46; Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня. С.15.

¹¹ См.: Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. С.19-52.

¹² См.: Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С.191-206.

¹³ См.: Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж. М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня. С.330-332.

направлений персональной истории, или *определенный тип биографического анализа* – «социокультурный, в своей основе»¹⁴.

Интеллектуальная биография является видом интеллектуальной истории (направлением исследований в области интеллектуальной истории) и одновременно областью персональной истории, тематически ориентированной на изучение биографии интеллектуалов.

Понятие *персональная история* шире понятия *интеллектуальная биография*, т.к. объектом персональной истории может выступать *любая персона* – «индивидуум любого калибра» (Д.М.Володихин)¹⁵, независимо от масштаба личности, индивидуального вклада в историю, принадлежности к определенным социальным стратам и видам деятельности – интеллектуальной или иной другой. И в этом, действительно, отличие персональной истории от т.н. *традиционной*, в которой объектом биографического анализа были преимущественно «крупные исторические деятели».

Объект интеллектуальной биографии – интеллектуал (как бы не насыщали это понятие ученые), его жизнь и деятельность в различных сферах, но прежде всего – интеллектуальной. *Предмет* же интеллектуальной биографии связан (как в любой иной научной работе) с исследовательской стратегией и теоретическими ориентирами. Поэтому интеллектуальная биография в свою очередь может быть представлена в историографической практике различными типами (моделями) биографического анализа¹⁶.

Биографический анализ – это одновременно *вид историографических исследований*, сфера дисциплины *историографии* в «восточной» традиции или *истории историографии* – в «западной»¹⁷.

С 1980-х гг. в советской науке этот вид историографических исследований выступает под самоназванием – *биоисториография*. Объект биоисториографии – «история жизни историка», а предмет – та сфера его жизни и деятельности, которая под определенным углом рассматривается био-историографом. Наряду с проблемной, региональной, институциональной историографией, историей историографии (как *историей истории*

---

¹⁴ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. С.300.

¹⁵ *Персональная история* // Под редакцией Д.М.Володихина. М., 1999.С.5-6.

¹⁶ По А.М.Эткинду биографический анализ – один из методологических компонентов «нового историзма, наряду с интертекстуальным и дискурсивным анализом. См.: Эткинд А. «Новый историзм», русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. №47.С.78-102. Э.Ю.Соловьев определяет биографический анализ как *вид историко-философского исследования*, самостоятельную *форму* научного исследования. См.: Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. С.19.

¹⁷ См. об этом подробнее: Попова Т.Н. Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX – XXI вв. / Отв.ред. О.В.Воробьева, З.А.Чеканцева. М., 2012. С.198-215.

исторической науки) и т.п. биоисториография входит в структуру историографических исследований.

Биоисториографические исследования можно рассматривать как вид интеллектуальной биографии и, соответственно, – персональной истории.

Автобиоисториография – личностная история историка о себе (интеллектуальная автобиография, эго-история и т.п.) – как направление исследований входит в предметное поле *истории историографии*, сферы интеллектуальной истории, и, соответственно, в интеллектуальную биографию и персональную историю («западная традиция»), одновременно – в структуру *биоисториографии* как направления историографических исследований («восточная» традиция).

Единицей биографического исследования выступает конкретный *тип биографического анализа* – *биографическая модель*; различия между типами – в специфике исследовательских задач, методологических ориентиров и в целом – предметной направленности, которая и определяет их своеобразие и разнообразие. Создание *типологии биографического анализа* – задача *биографистики*.

Понятие *историческая биография*, классическое для «восточной» традиции, сохраняет свое значение как культурно-историческое явление и определенное направление исторических исследований.

2. Методология. Биоисториографические модели

Типология биографического письма составляет на сегодняшний день значительный диапазон вариантов¹⁸. В англоязычных изданиях последнего времени выделяют четыре типа *personal history*: традиционную биографию исторической личности «крупного масштаба»; «личную историю» как исследование жизни индивида сквозь призму его частных отношений; «внутреннюю биографию» (развитие внутреннего мира человека); «интеллектуальную автобиографию историков»¹⁹.

Типология исторических биографий, предложенная Дж.Леви, включает такие типы как: просопография и модальная биография; биография и контекст; биография и пограничные случаи; биография и герменевтика²⁰.

Для современной российской историографии характерна ориентация на две версии персональной истории: «экзистенциальный биографизм» («экзис-

---

¹⁸ Автор не ставит своей задачей анализ всей картины типологического разнообразия, нашедшей отражение в полидисциплинарной и многожанровой биографической и биографоведческой литературе.

¹⁹ См.: *Ретина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С.290-291.

²⁰ См.: *Леви Дж.* Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. С.191-206.

тенциальная персональная история») и «новая биографическая история» («социальная персональная история»)²¹.

«Сетевая концепция» социальной структуры детерминировала новое направление биографизма, согласно которому биография предстает как «вертикальная темпоральная последовательность горизонтальных срезов, на каждом из которых пространственно фиксируется конфигурация социальных связей индивида на соответствующем отрезке его жизненного пути»²².

В типологию биографического жанра в историко-экономических исследованиях, предложенную Дональдом Уокером (1983), входит биография личности, профессиональная биография, библиографическая биография и ситуационная биография, или биография среды²³.

Все многообразие типов биографического жанра, которые выступают скорее как направления биографических исследований, предусматривает учет ряда принципиальных позиций: во-первых, в «чистом виде» каждый из этих типов встречается редко, исследовательские реалии представлены множеством разнообразных комбинаций, которые в свою очередь расширяют пространство типологической вариативности²⁴; во-вторых, вряд ли следует «жестко связывать» тип биографизма с конкретной методологией, т.к. один и тот же тип биографии в современной науке может быть представлен различными методологическими платформами; в-третьих, в биографической практике, опосредованной исходными теоретическими основаниями, особое значение приобретает конкретная модель биографического анализа.

В ряде монографических и диссертационных работ последних лет получила популярность модель, сконструированная на основе типологии Д.Уокера. Совокупность четырех типов биографии в качестве единой схемы стала рассматриваться как модель *интеллектуальной биографии*²⁵.

---

²¹ См.: *Володихин Д.М.* Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып.8. М., 2002.

²² *Репина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. С.60-61.

²³ См.: *Нейман А.М.* Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж. М.Кейнса // История через личность: историческая биография сегодня. – С.330-332.

²⁴ Это касается всех типологических конструкций, включая «оппозиционные типологии» (терминология А.В.Яся) ученого, личности и мышления: см. далее предложенную автором биоисториографическую модель.

²⁵ См.: *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011; *Михайленко Г.М.* Олександр Лотоцький (1870-1939 рр.): інтелектуальна біографія історика: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 2009; *Ліхачова О.Є.* Наукова, публіцистична та державна діяльність О.І.Георгієвського: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Одеса, 2011; *Андрєєв В.* «Інтелектуальна біографія» історика: експлікація поняття // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип.5. К., 2010-2011. С.337-338 и др.

В.Ващенко (Днепропетровск), плодотворно работающий в русле нового для украинской науки биографизма, на основе анализа современных биографических исследований ученых «евроатлантической традиции» (A.Hannay, Cambridge, 2001; S.Gaukroger, Oxford, 1997) предложил свою *модель интеллектуальной биографии историка*, исходя из поэтапного решения конкретных задач. Первая задача – выяснение генезиса и сущности интеллектуальных достижений субъекта («научной методологии») – решается через анализ «смены» парадигм на протяжении карьеры ученого; решение второй – установление рациональности субъекта в терминах его мотиваций – предполагает выявление мотивационных рядов методологического пространства. Смена «научных методологий», привязанная к определенным событиям внутренней (психической) и внешней (социокультурной) жизни ученого, может рассматриваться, по мнению В.Ващенко, как «вехи» его интеллектуальной биографии²⁶.

Среди новаций в современной украинской историографии – биографическая модель типа «биографического мира» И.Колесник²⁷. Это, по сути, развитие метода *сетевого анализа* межличностных взаимодействий, блистательно использованного автором в исследовании о Н.В.Гоголе и получившего дальнейшее теоретическое обоснование в монографии «Українська історіографія: концептуальна історія»²⁸.

Данная модель – модель коммуникационная, исходным концептом которой выступает формула «биографический мир». Для И.Колесник «биографический мир» это – не синоним биографии, не хронологическая линия жизни, а пространственная структура, в которой обретается личность, меняя роли, статус, собственные интересы и виды деятельности; это – культурный мир человека и аффилированных с ним личностей, групп и общества в целом. Используя идеи нарративной психологии, автор определяет «биографический мир» как нарративную структуру, включающую цепь «жизненных нарративов», которые в своей совокупности предстают в виде конструкции целостного «жизнеописания».

Модель «биографического мира» инструментально основывается на «картах личности», предложенных в современной психологической литературе. «Карты личности» схематизируют течение жизни «героя» и его окружения во времени и пространстве и корректируют исследовательские процедуры. В соответствии с авторской стратегией «карты личности» могут включать разнообразный диапазон «пунктов», отражающих коммуникатив-

²⁶ Ващенко В. Концепт «інтелектуальна біографія» та конструювання «наукових біографій» в українській історіографії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип.4. К., 2009. С.481.

²⁷ См.: Колесник І.І. Біографічний світ Тараса Шевченка // Український історичний журнал. 2014. № 3. С.79-99.

²⁸ См.: Колесник І. Гоголь: мережі культурно-інтелектуальних комунікацій. К., 2009; Она же. Українська історіографія: концептуальна історія. К., 2013. С.453-477 [Раздел «Мережева модель науки»].

ный мир «героя». В модели И.Колесник, которая спроецирована на биографический мир Кобзаря, выделены шесть пунктов: места, артефакты, события, стрессы и проблемы, сценарий будущего, персональная идеология. Практическое применение данной модели нашло свое выражение в конструировании И.Колесник собственной версии биографического нарратива Т.Шевченко. Благодаря избранным автором «нарративным процедурам» достаточно хорошо известные факты «заиграли» в новом ключе, позволяя более объемно и целостно осмыслить личность и жизнь Кобзаря.

Среди биографических моделей – т.н. «вопросники». К первым авторам «вопросников» относится Ш.-О.Сент-Бёв (1804–1869), родоначальник биографического жанра «литературных портретов». Выделив десять «аспектов портрета», Сент-Бёв по сути очертил тематический круг «портрета»: рассмотрение великого или выдающегося писателя в семейной обстановке; ознакомление с характером его образования и воспитания; определение «первого окружения» в период становления его таланта; изучение первых успехов писателя – «талант в юности»; определение периода «ослабления таланта»; изучение особенностей мировоззрения, религиозных взглядов, его отношения к природе, женщинам, деньгам и проч.; выявление тайных слабостей; изучение специфики литературного стиля; выявление духовных наследников, учеников и почитателей; изучение оценок творчества писателя, данных «врагами», «недоброжелателями» и проч.²⁹

В науковедческой литературе с 30-40-х гг. XX в. вопросники получили распространение наряду с анкетами. Применяя вопросники для изучения современной науки с целью оптимизации научно-исследовательской деятельности, ученые допускали возможность по форме вопросников составлять материалы и для изучения биографий ученых прошлых эпох³⁰.

В этом случае «вопросник» выступает уже как «дорожная карта», в соответствии с которой должен осуществляться источниковедческий поиск – сбор биографической информации. Одновременно структура «вопросника» предстает как схема биограммы, на основе которой можно создавать различные вариации биографических нарративов.

Новый импульс приобрели «вопросники» в связи с размахом просопографических исследований: создание компьютерных банков данных для изучения коллективных биографий потребовало выработки специальных методик³¹. Бесспорная ценность этих материалов для справочных изданий

---

²⁹ См.: *Сент-Бёв Ш.О.* Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. // *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе.* М., 1987. С.39–48; *Луков Вл.А., Трыков В.П.* Ш.О.Сент-Бёв о десяти заповедях биографического метода // *VIII Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры.* М., 1996. С.52.

³⁰ *Карцев В.П.* Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М., 1984. С.138–139.

³¹ См.: *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. М., 1994; *Гутнов Д.А., Перевертень В.А.* Российские историки XVIII – начала XX вв.: проект и

или решения вопросов, связанных с параметрическим анализом научных сообществ, подчас становится проблематичной, если речь идет об объемной личностной характеристике ученого. Специфика стандартной «файловой структуры», проблемы источниковедческого плана, сама направленность просопографических исследования не всегда позволяют использовать эти данные для всех видов биоисториографических исследований.

Биоисториографические модели типа «вопросников» нацеливают в первую очередь на поиск биографической информации, создание фактуальной базы³² конкретного био-исследования. Известно, что любой источник отвечает лишь на те вопросы, которые ему задают (А.Я.Гуревич), поэтому «вопросник» (по сути – пункты-позиции био-модели) будет опосредствован авторской стратегией (включающей не только специфику объекта /«героя»/ и предмета исследования, но и предполагаемый стиль нарратива, объяснительные модели и проч.), определяющей в конечном счете выбор конкретного типа (типов и их композицию) биографического письма.

Данная модель-«вопросник»³³, ориентированная на анализ биографии и творчества ученых-историков в системе университетов Российской империи

информационная система // Круг идей: новое в исторической информатике. Труды 1 конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1994; *Перевертень В.А.* Разработка информационных систем для просопографических исследований: Автореф. ... канд. техн. наук. М., 1996; *Дашкевич Я.* Об'єктивне і суб'єктивне в просопографії // Український біографічний словник: історія і проблематика створення: Матеріали науково-практичної конференції. Львів, 1997; *Маурер Т.* Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // Из истории русской интеллигенции. Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р.Лейкиной-Свирской. СПб., 2003; *Юмашева Ю.Ю.* Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39; *Старовойтенко І.* Просопографія: підходи до трактування змісту наукової дисципліни в історіографії // Спеціальні історичні дисципліни: питання історії та методики. Число 13. Ч. 1. К., 2006; *Бородкин Л.И.* Аxiмата mίnoga: памяти Виталия Васильевича Подгаецкого // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2006. № 33; *Українська біографістика=Biographistica Ukrainica*: зб. наук. праць / НАН України; Нац. б-ка України ім. В.І.Вернадського. Інститут біографічних досліджень; редкол.: В.І.Попик (відп.ред.) та інші. К., 2008. Вип. 4 и др.

³² Представляется целесообразным различать понятия «источниковая база» и «фактуальная база»: первый концепт означает комплекс разнообразных по видо-типовой характеристике источников, составляющих базу конкретного исследования; второй – банк «научных фактов» («факт-знание»), полученных в результате критического анализа источников, процедуры «обработки» фактов из источникового массива («факт-источник») с помощью репертуара источниковедческих методик.

³³ Данная модель – откорректированный вариант структуры словарного раздела Биографического словаря ученых Новороссийского университета: разработана автором для подготовки Биографического словаря профессоров Одесского (Новороссийского) университета. См.: *Попова Т.Н.* О методике биоисториографических исследований // Записки Историчного факультету. Вип. 5. Одеса, 1997. С 165-172; *Она же.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского

XIX – начала XX вв., отражает в определенной мере социокультурную темпорально-региональную специфику. Не исчерпывая, безусловно, всех возможных сторон биоисториографического анализа, предлагаемая модель очерчивает объем содержательных позиций, которые выступают составляющими «жизнеописания». В то же время структура и архитектура³⁴ конкретного биографического нарратива может варьироваться в соответствии с авторской программой.

Вариант биоисториографической модели

1. Базовые биографические данные:

- 1.1. ФИО (с указанием изменений).
- 1.2. Псевдонимы.
- 1.3. Даты жизни (по юлианскому и григорианскому календарям).
- 1.4. Место рождения, место смерти и захоронения (- « -).
- 1.5. Время начала и окончания творческой деятельности (по году публикации первой и последней работы / по году написания неопубликованных первой и последней работы).

2. Национальные и социальные характеристики:

- 2.1. Национальность (по паспорту; по самоидентификации).
- 2.2. Вероисповедание.
- 2.3. Языки творчества.
- 2.4. Социальное происхождение (по отцу / родителям).
- 2.5. Достигнутое социальное положение.
- 2.6. Титул.
- 2.7. Высший чин (по Табели о рангах).
- 2.8. Финансово-экономическое положение; владение собственностью.

3. Происхождение и семейное положение:

- 3.1. Родители: отец, мать (даты жизни, национальность, происхождение, вероисповедание, социальный статус, экономическое положение).
- 3.2. Знаменитые родственники (предки, братья, сестры и др. – « -).
- 3.3. Браки /разводы/: количество, даты.
- 3.4. Жена (ы) (даты жизни, девичья фамилия, национальность, происхождение, вероисповедание, социальный и профессиональный статус, экономическое положение).

3.5. Дети (- « -).

4. Образование:

- 4.1. Домашнее или иное начальное (кто обучал – био-данные).
- 4.2. Среднее: учебные заведения, место, годы обучения (учителя – био-данные).

университета, Одесса, 2007; *Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник*. Том 1-4. Одеса, 2000, 2005.

³⁴ См. интерпретацию этих понятий: *Ясь Олексій*. Историк і стиль. Визначні постаті українського історіописання у світлі культурних епох (початок XIX – 80-ті роки XX ст.): Монографія: У 2 ч. / за ред. В.А.Смоля. К., Ч.1. С.52-54.

4.3. Высшее: учебное заведение, годы обучения, факультет, специальность; форма аттестации, диплом.

4.4. Второе образование (- « -).

4.5. Слушал курсы профессоров, работал в семинарах (био-данные).

5. *Научная подготовка и научный рост.*

5.1. Студенческое конкурсное сочинение: тема, год, награды (профессор-автор темы).

5.2. Студенческое выпускное сочинение (вид, тема, год, научный руководитель).

5.3. Подготовка к профессорскому званию (даты, при каком университете, кафедра, специальность, научный руководитель, даты сдачи магистерских экзаменов / перечень, оценки, экзаменаторы /).

5.4. Магистерская диссертация:

5.4.1. Тема, специальность.

5.4.2. Дата и место защиты; дата выдачи диплома магистра наук.

5.4.3. Научный руководитель, оппоненты (официальные и неофициальные).

5.4.4. Сведения о публикации.

5.5. Докторская диссертация:

5.5.1. Тема, специальность.

5.5.2. Дата и место защиты; дата выдачи диплома доктора наук.

5.5.3. Оппоненты.

5.5.4. Сведения о публикации.

5.6. Должности, звания (университет, факультет, кафедра, даты):

5.6.1. Адъюнкт.

5.6.2. Доцент.

5.6.3. Приват-доцент.

5.6.4. Экстраординарный профессор.

5.6.5. Ординарный профессор.

5.6.6. Заслуженный профессор.

5.6.7. Должностные оклады.

5.7. Зарубежные командировки (страна, учебные, научные центры, цель, финансирование, даты).

6. *Научная, научно-педагогическая и научно-организационная деятельность:*

6.1. Характер научной деятельности:

6.1.1. Исследования, публицистика, эссеистика, перевод научной литературы, публикация источников, издание научной литературы и др.

6.1.2. Научные экспедиции.

6.1.3. Архивная деятельность.

6.2. Характер научно-организационной и научно-просветительской деятельности:

6.2.1. Участие в научных обществах (название, место, вид членства, должности, форма деятельности, даты).

6.2.2. Организация (участие) научных и научно-просветительских центров; должности в научных учреждениях.

6.2.3. Публичные чтения, меценатство в научной сфере и др.

6.3. Научно-педагогическая деятельность:

6.3.1. Научные центры, учебные заведения (высшие – университеты и т.п.; средние и др., зарубежные центры, государственные и частные; даты работы).

6.3.2. Учебная нагрузка:

6.3.2.1. Наименования курсов лекций, спецкурсов, спецсеминаров; практические занятия (по курсу, темы); консультации и проч. (время проведения: год, семестр, часы в неделю).

7. Категориальный профиль (научный):

7.1. Приверженность к философским системам (тип, временной диапазон, эволюция).

7.2. Теоретико-методологические позиции:

7.2.1. Онтологические категории (теория исторического процесса):

7.2.1.1. Модель исторического процесса (прогресс /тип/; регресс, цикличность, флуктуация и проч.).

7.2.1.2. Факторы исторического развития.

7.2.1.3. Триада: народ-личность-государство.

7.2.1.4. Триада: общее-особенное-единичное.

7.2.1.5. Закон и закономерность в истории.

7.2.1.6. Необходимость и случайность в истории.

7.2.1.7. Объективное и субъективное в истории.

7.2.1.8. Категории времени; периодизация исторического процесса.

7.2.1.9. Прочее.

7.2.2. Гносеологические категории (теория исторического знания):

7.2.2.1. Триада: объект-предмет-субъект в историческом познании.

7.2.2.2. Исторический факт и исторический источник. Историческая истина; границы познаваемости истории.

7.2.2.3. Объективность и субъективность в историческом исследовании.

7.2.2.4. Статус исторического знания.

7.2.2.5. Научное историческое познание в контексте форм познавательной деятельности (научное и художественное, рациональное и интуитивное и т.п.).

7.2.2.6. Прочее.

7.2.3. Методологические категории:

7.2.3.1. Методика источниковедческого анализа.

7.2.3.2. Методы исторического исследования.

7.2.3.3. [Меж]дисциплинарные методы.

7.2.3.4. Методики и техника исследовательской работы.

7.2.3.5. Прочее.

7.2.4. Логико-аксиологические категории:

7.2.4.1. Историческое знание и культурные ценности.

- 7.2.4.2. Понимание и объяснение (тип, интерпретационная модель).
- 7.2.4.3. Логическая структура дискурса.
- 7.3. Индивидуальный авторский стиль:
  - 7.3.1. Стиль мышления.
  - 7.3.2. Историографический стиль (нарратив: сценарии, структура и архитектура текста).
- 7.4. Научная картина мира.
8. *Научное кредо: концептуальные воззрения* (на основе модели анализа историографических источников – главных /рубежных/ трудов «героя»).
9. *Сфера научной деятельности:*
  - 9.1. Научная область, дисциплина, специальность.
  - 9.2. Проблематика.
  - 9.3. Стержневое направление исследований.
10. *Тип ученого:*
  - 10.1. Теоретик / практик-эмпирик.
  - 10.2. Ученый-исследователь / ученый-педагог.
  - 10.3. Ученый-философ / ученый-«поэт» / ученый-сциентист.
  - 10.4. Генератор идей / глоссатор / транслятор / комментатор.
  - 10.5. Критик / конструктивист / догматик.
  - 10.6. Аналитик / фактограф / синтетик.
  - 10.7. Кабинетный ученый / ученый-просветитель / ученый-политик.
  - 10.8. Прочее.
11. *Историографическая классификация – принадлежность к направлению, течению, школе:*
  - 11.1. Самоидентификация ученого; отношение к научной корпоративности.
  - 11.2. Учителя «героя»:
    - 11.2.1. Учителя, признаваемые самим ученым (био-данные, источники).
    - 11.2.2. Ученые, признающие «героя» своим учеником (- «-).
    - 11.2.3. Учителя по историографической традиции (- «-).
  - 11.3. Ученики «героя»:
    - 11.3.1. Признаваемые самим ученым (био-данные, источники).
    - 11.3.2. Признающие «героя» своим учителем (- «-).
    - 11.3.3. Ученики по историографической традиции (- «-).
  - 11.4. Принадлежность к историографическим классам по историографической традиции (- «-).
12. *Категориальный профиль (мировоззренческий):*
  - 12.1. Система мироустройства.
  - 12.2. Триада: историческая наука-политика-идеология.
  - 12.3. Партийно-политические ориентиры.
  - 12.4. Приоритеты: индивидуальное и коллективное начала.

12.5. Приоритеты: национально-этнические («первичная этничность», «ситуационная этничность»³⁵) / интернациональные / общекультурные/ космополитические и т.п.

12.6. Гендерные позиции.

13. Признание заслуг научно-педагогической деятельности:

13.1. Членство в Академиях наук отечественных и зарубежных (вид АН, место, звание, даты).

13.2. Членство в иностранных научных обществах и т.п. (тип, год избрания и др.).

13.3. Ордена, награды, знаки отличия (вид, форма, даты).

13.4. Иные формы научных отличий.

14. Научные связи:

14.1. Официальные контакты с научными центрами (тип центра, цель, форма, даты).

14.2. Личные контакты с учеными (био-данные, мотивация, формы, результаты, даты).

15. Службная деятельность (вне университетов):

15.1. Вид деятельности.

15.2. Наименование учреждения, годы работы.

15.3. Должности: название, оклады, даты.

16. Общественная деятельность:

16.1. Виды деятельности: политическая (революционная, оппозиционная и проч.), благотворительная и т.п. (формы, даты).

16.2. Наиболее значимые результаты общественной деятельности.

17. Санкции:

17.1. Общественные порицания, обвинения (причина, форма, даты).

17.2. Аресты, ссылки, тюремные заключения (вид, содержание обвинения, география, даты и проч.).

17.3. Научная деквалификация (причина, форма, даты).

17.4. Иные формы.

18. Характеристика личности (человека и профессионала):

18.1. Тип личности: экстравертивный / интровертивный; рационалист / интуитивист; оптимист / пессимист / стоик; акцентуация по К.Леонгарду и др.

18.2. Тип мышления: дисциплинарный / дисциплинарно-креативный / креативный.

18.3. Психо-физическая конституция: внешность, болезни, слабости (пороки); отношение к окружающим; долголетие (в том числе – интеллектуальное).

18.4. Любимые артефакты (вещи, произведения искусства и проч.).

18.5. Хобби.

---

³⁵ По концепции П.Магочия. См.: *Магочий Павло* (Торонто, Канада). Українське національне відродження. Нова аналітична структура // Український історичний журнал. 1991. № 3.

- 18.6. Судьбоносные поступки.
- 18.7. Самовосприятие (самооценка собственной личности, профессиональной деятельности, заслуг и др.: эволюция).
- 18.8. Воспоминания о «герое».
- 18.9. Научная репутация при жизни.
- 18.10. Некрологи.
- 18.11. Историографическая репутация (эволюция).
19. География проживания (страна, город и проч. – даты; домашние адреса).
  - 19.1. Места памяти «героя».
  - 19.2. Места «силы» (наибольшей творческой активности).
  - 19.3. Места «слабости» (наименьшей творческой активности).
20. Окружение (коммуникации):
  - 20.1. Макроокружение (био-данные).
  - 20.2. Микрокосм (био-данные).
  - 20.3. Судьбоносные встречи (био-данные).
21. Наукометрический анализ публикаций:
  - 21.1. Проблемная, видовая и жанровая характеристика научных и иных опубликованных трудов (количество, эволюция по годам / периодам, месту проживания, месту работы; издательства; языки публикаций и проч.).
  - 21.2. Анализ личного архива: характеристика рукописных трудов (- « -).

3. Практика. Биоисториографический этюд³⁶.

П.М.Бицилли: «Исход»

*Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.
Данте Алигьере*

1917 – январь 1920-го – последнее трехлетие одесского периода в биографии выдающегося ученого *Петра Михайловича Бицилли* (1879-1953). Это время, когда завершилась вполне благополучная жизнь профессора Новороссийского университета, и Петр Михайлович, остро воспринимавший перемену судьбы, как-то сказал своим близким: «Теперь вся история России кончилась».

Бегство. Конец девятнадцатого и начало нового года ознаменовались повальным бегством из города всех, кто не хотел вновь испытать большевистский режим. Зима в Одессе была суровой, смертность – огромная: свирепствовал тиф. Слух о скором захвате города войсками Котовского побудил многих профессоров Новороссийского университета задуматься об эвакуации университета в целом, со всеми его структурами. Но было уже поздно.

---

³⁶ *Этюд* – одна из т.н. «малых форм» биографического нарратива – ориентирован на конкретный сюжет из персональной истории и т.п.

Англичане еще давали визы на свои пароходы. Многим из университетской профессуры бывшей уже страны удалось попасть на военный транспорт «Rio Pardo» (отнятый англичанами у немцев), который одним из последних покидал Одессу. Среди них оказалась и семья Бицилли³⁷.

Поспешные сборы, минимум вещей³⁸ и ключ от квартиры – надежда на скорое возвращение! Петр Михайлович садится за рояль: «Лунная соната» Бетховена звучит почти как «Траурный марш» Шопена. «Ну вот и все. Мы уезжаем» – последние слова.

Ночью погрузились. Порт замерз, но ледоколом был пробит узкий проход, по которому и прошел «Rio Pardo», рефлектор с мола освещал путь. Остановившись возле английского крейсера, обстреливавшего Молдаванку, пароход простоял ночь и на рассвете двинулся в путь – мимо знаменитых одесских Фонтанов: пассажиры «Rio Pardo» в последний раз видели родную землю.

Экскурс. За три года гражданской войны Одесса неоднократно переходила из рук в руки всех воюющих сторон – бесконечная чехарда властей и режимов! Новороссийский университет «краснел», активно реформируясь в периоды соввласти, «белел», возвращая свою классическую академичность, когда приходили «добровольцы» и «западники», и приобретал иные цвета при установлении новой украинской власти.

Однако эти три года в творческой судьбе П.М.Бицилли – значительны: защита магистерской диссертации (май 1917), избрание на штатную должность доцента (сентябрь 1917), затем – экстраординарного профессора³⁹, приглашение на должность ординарного профессора в Саратовский университет (апрель 1918). Именно в эти годы, несмотря на удручающую обстановку, П.М.Бицилли издал свои наиболее значительные в концептуальном плане работы: «Общественные движения в изображении средневековых историков» (1917), «Элементы средневековой культуры» (1919), «Падение римской империи» (1919). К этому времени окончательно сложился «индивидуальный почерк» ученого: культурологическая и интердисциплинарная направленность исследований, рецензирование как средство «интел-

---

³⁷ М.А.Бирман, опираясь на воспоминания Е.П.Ивановой-Аначковой, внучки П.М.Бицилли, пишет: «Неожиданно возникла возможность получить отдельную крохотную каюту на пароходе «Rio Pardo, направлявшемся в Салоники. Отправление состоялось 28 января 1920 г.». Это все факты, которые были до сих пор известны о бегстве П.М.Бицилли из Одессы; в городе остались его мать – Екатерина Адольфовна Штейнгард, младший брат – Михаил Михайлович с семьей, близкие друзья и коллеги (А.В.Флоровский, О.Л.Вайнштейн и др.).

³⁸ В «минимум вещей» вошла, возможно, не вся, но наиболее значимая часть личного архива ученого, включая его публикации и материалы некоторых лекций, среди которых, на мой взгляд, – «История историографии».

³⁹ П.М.Бицилли был утвержден с 6 сентября 1919 и.д. /исполняющим должность/ экстраординарного профессора; несколько ранее, в очередной период советской власти в Одессе – весна-лето 1919 г., его по предложению Е.Н.Щепкина избрали профессором Высшей школы.

лектуального заряда» для внутреннего диалога и открытия новых концептуально-методологических горизонтов собственного творчества, историографический стержень теоретических обобщений, самобытный стиль изложения мысли и неповторимая «манера» письма.

Этот период отмечен и активным патронатом П.М.Бицилли в отношении талантливой молодежи, необходимость привлечения которой в университет осознавалась ученым как насущная задача, несмотря на все метаморфозы политической жизни. По рекомендации Петра Михайловича О.Л.Вайнштейн становится профессорским стипендиатом, К.В.Флоровская – первой женщиной-преподавателем историко-филологического факультета (1919).

В публицистических работах «Основы социализма» (1917), «Демократия и школа» (1918) П.М.Бицилли пытался осмыслить происходящее⁴⁰, подняв ряд глобальных вопросов: об эволюции и сущности социалистических идей, о законах революции, о синдроме контрреволюции в «революционном мышлении», о роли интеллигенции, о реформах школы и воспитании «нового человека». Не потеряв еще окончательно надежду на возможность возрождения страны, он предлагал свое видение новой Школы. Именно так, с заглавной буквы, П.М.Бицилли обозначал школу будущего, призвание которой, по его убеждению, – готовить духовно свободного человека, с сознанием, «...открытым для всякой благородной мысли, не исполнителем предначертаний начальства, социалистического или буржуазного, это безразлично, но творцом жизни»⁴¹.

В эти же годы П.М.Бицилли встретил свою суженую: его спутницей жизни стала М.Т.Полянкевич, замужняя женщина. По семейным преданиям их сблизил уроки музыки, которые Мария Тимофеевна, талантливая пианистка, стала давать Петру Михайловичу. Молодые люди полюбили друг друга, но статский советник П.Д.Орехов, муж Марии Тимофеевны, в разводе отказал. Прожив в гражданском браке несколько лет, П.М.Бицилли только в 1918 г., после кончины П.Д.Орехова, смог обвенчаться со своей избранницей и удочерить ее дочь Анну. 1917 год был отмечен семейной радостью: родилась дочь Мария.

Социальные катаклизмы круто изменили судьбу Петра Михайловича именно в тот момент, когда он вошел в период своей личностной и профессиональной зрелости. Он не успел стать доктором наук и «полным», ординарным, профессором. П.М.Бицилли с радостью принял Февраль, как и вся окружавшая его «интеллигентная среда»⁴². Однако последующее

---

⁴⁰ В данном случае т.н. «вне-научные» факторы оказали благотворное влияние на все творчество П.М.Бицилли «революционного трехлетия», заставили его сфокусировать внимание на проблемах интеллектуальных и общественных движений, специфики типов сознания, структуры исторических форм культуры и т.п.

⁴¹ *Одесские новости*. 1918. 24 (11) февраля.

⁴² *Государственный архив Российской Федерации* (г.Москва). Ф.Р7523. Оп.59. Д.4330. Л.5.

развитие событий и рожденный ими «революционный вандализм» привели к радикальному решению. Одессит по рождению, потомственный дворянин по происхождению, фамильные корни которого восходили к первопроходцам Новороссийского края⁴³, П.М.Бицилли, сформировавшийся как ученый широчайшего творческого диапазона в микросоциуме своей alma mater – Новороссийском университете, вынужден был бежать из родного города...

Морское скитание. Обстановка на пароходе была очень тяжелой. Профессора с семьями разместились в двух трюмах – для мужчин и для женщин. Теснота, качка (судно попало в бурю, которая длилась несколько дней), болезни, скудная еда, грязь омрачали и без того безрадостное путешествие. Желтый флаг свидетельствовал о том, что на судне – больные. Болгария (Варна) пароход не приняла, Турция (Константинополь) тоже. Следующий порт – Салоники. Якорь был брошен, и началось, по образному выражению Е.В.Спекторского⁴⁴, «Солунское стояние».

Из профессоров Новороссийского университета на пароходе кроме П.М.Бицилли был А.П.Доброклонский⁴⁵ с женой, а также группа профессоров и преподавателей Университета св. Владимира, Киевского политехнического института, Киевской духовной академии: Е.В.Спекторский, П.В.Воронец, П.Н.Рышков, Г.В.Демченко с семьями; П.Э.Зайончковский, А.И.Косицкий, В.В.Фармаковский, М.Э.Поснов, которым удалось

---

⁴³ Предки П.М.Бицилли – выходцы с Балкан, переселились из области Эпир (провинция Химара) в Российскую империю в последней трети XVIII в. Родоначальник одесских Бицилли – *Константин «Гикин сын Бицилий»*, прапрадед Петра Михайловича, был участником русско-турецких войн второй половины XVIII в. и 1806-1812 гг. За героизм в битвах награжден орденом Георгия Победоносца 4-го класса, его имя было внесено в Дворянскую родословную книгу. В середине 1790-х гг. получил значительные земельные владения в районе Хаджибея и в Тираспольском уезде Новороссийского края; возглавлял Греческий дивизион, участвовал в организации размещения греко-албанских переселенцев на южных территориях империи. Его сыновья: *Иван* – в 1830-е гг. российский консул в Испании (Малага); *Савва* – майор, погиб в Бородинском сражении; *Павел* – губернский секретарь, депутат от Одесского уезда в Дворянском собрании Херсонской губернии (1830-е гг.); *Михаил* – коллежский секретарь, проживал в своем поместье в Одесском уезде, от него пошла семейная ветвь Петра Михайловича.

⁴⁴ *Спекторский Евгений Васильевич* (1875-1951) – ученый и общественный деятель, ординарный профессор, ректор Университета св. Владимира, один из основателей Русского научного института в Белграде, член-корреспондент Сербской Королевской академии наук (1934).

⁴⁵ *Доброклонский Александр Павлович* (1856-1937) – доктор церковной истории (1916), с 1899 г. – профессор Новороссийского университета (НУ), декан историко-филологического факультета (1910-1919), и.о.ректора (1915-1917), редактор «Записок» НУ (1908-1916), глава Историко-филологического общества при НУ (с 1907), один из лидеров «правой» профессуры; в эмиграции – профессор Белградского университета (1920-1937). П.М.Бицилли, будучи студентом, слушал лекции А.П.Доброклонского: «История христианской церкви», «Церковный строй в России», «Сектанство в России», «Раскол в русской церкви» и др.

уехать из Киева в Одессу, перед тем как город был взят большевиками. Среди беженцев был и А.И.Щербаков (1858-1944), доктор медицины, профессор Новороссийского университета (1908-1915), попечитель Одесского учебного округа (1911). Кроме профессуры на пароходе были бывшие землевладельцы, представители Одесского городского управления, военные (среди них – генерал А.Я.Шелль /1962-1929/, с конца 1918 г. – военный руководитель немецкой колонистской самообороны Одесского района) и многие другие – всего 850 человек весьма разношерстной публики.

В течение одиннадцати дней шли переговоры греков с сербами о дальнейшей судьбе пассажиров «Rio Pardo». Это время было наполнено и тягостными сюжетами (профессора вынуждены были чистить судовые уборные), и приятными минутами – после обеда мужчины отправлялись в женский трюм и там лакомились сыром и вареньем, которые полагались только дамам. Наконец Белград согласился принять беженцев. Семнадцатидневное морское скитание завершилось и началось новое – на суше, в незнакомых краях. Всех бывших пассажиров «Rio Pardo» разделили на группы и далее отправляли по железной дороге, в товарном поезде. Простояв ночь в Скопье, поезд прибыл в маленький уездный городок в южной Сербии – Вранье.

Освоение чужбины.

Вранье. Местная администрация предоставила беженцам убогое жилье, денег не было, позже белградское правительство стало выдавать ежемесячные «ссуды». Профессорам предложили читать лекции, но состоялась только одна лекция П.М.Бицилли, посвященная истории мест, по которым прошел пароход.

Отношение к русским эмигрантам было доброжелательным – сербы дорожили православием, и это сближало хозяев и вновь прибывших. Профессора ходили в городскую читальню для того чтобы узнать из сербских газет о положении в России, Европе и балканском регионе. Просматривая газеты, П.М.Бицилли был удручен тем, что романы А.Дюма и В.Гюго печатались в газетах в виде «фельтонов» (фельетонов). В глухом городишке Петр Михайлович не мог достать ни одной книги, необходимой ему для работы, а положение «абсолютного безделья», как он сам признавался, было для него «равносильно отбыванию каторги». В послеобеденное время он ежедневно приходил к Е.В.Спекторскому для «интеллигентного» (по выражению последнего) разговора: общение с известным ученым, человеком высокой культуры и широчайшей эрудиции, остроумным и доброжелательным, поддерживало Петра Михайловича, способствовало сохранению интеллектуального тонуса. Не исключено, что в перспективе он надеялся и на участие Е.В.Спекторского в своей эмигрантской судьбе.

Понимая, что чужбина может стать весьма длительным пристанищем, профессора начали изучать сербский язык. Им предложил бесплатно свои услуги некий Бошко Пешич, который быстро «обрусел» среди своих учеников и вскоре начал путать русские и сербские слова. Для Е.В.Спектор-

ского, хорошо знавшего польский, сербский язык оказался несложным, но «в некоторых отношениях недостаточно гибким». М.Бицилли, имея безупречный музыкальный слух и невероятную способность к восприятию иностранных языков, достаточно быстро освоил новый, но высказался о нем более категорично, нежели его старший коллега: «у сербов нет вовсе никаких обозначений».

Вскоре Е.В.Спекторский и А.П.Доброклонский уехали, получив должности в Белградском университете. В отличие от них П.М.Бицилли не мог рассчитывать на широкую известность своего имени и трудов. Он готов был учительствовать – преподавать русский, французский или латинский языки, служить просто библиотекарем, но только в городе с книжными магазинами и библиотеками, которых не было в этом захудалом по тем временам городишке. Вранье в биографии П.М.Бицилли можно определить как «место слабости»: 1920 год – единственный год, оказавшийся без публикаций в обширной библиографии Петра Михайловича⁴⁶.

Однако возможность покинуть Вранье скоро представилась.

Скопье. В феврале 1920 года в Скопье (Македония) был открыт филиал философского факультета Белградского университета. П.М.Бицилли предложили занять должность доцента кафедры всеобщей истории. Весной этого же года семья переехала на новое место в надежде на лучшее. Однако организация нового учебного заведения происходила в сложных условиях: полноценной базы университетского уровня не было, денег на кафедру, книги и научные командировки администрация университета не давала. Убогий провинциализм, отсутствие библиотечных фондов и профессионалов удручало П.М.Бицилли. Окружение на работе по своим «душевному качествам» и «по одаренности», по словам Петра Михайловича, оставляло желать лучшего.

Семья П.М.Бицилли бедствовала. Жизнь была более чем скудной, жалование – «служительское»; жена и старшая дочь Петра Михайловича вынуждены были по целым дням работать. Не хватало самого необходимого. О настоящей научной работе можно было только мечтать: «в перспективе такое одиночество, тоска и полная бессмысленность и бесполезность существования» – так воспринимал Петр Михайлович свое эмигрантское бытие.

Но в отличие от Вранье работа в Скопье была, и депрессия подавлялась привычным трудом: в университете П.М.Бицилли читал на сербском языке курсы по истории нового времени, истории римской республики; спецкурсы – «Введение в историю», «История историографии»; проводил семинар по эпохе Французской революции XVIII века и др.

---

⁴⁶ «Год без публикаций» не означает «год без работы» – вполне вероятно, что именно в атмосфере «культурного одиночества» началась интенсивная саморефлексия: П.М.Бицилли пересматривает вывезенный из Одессы личный архив, ищет возможные направления исследований и, не исключено, набрасывает тексты будущих работ, в том числе – «Очерков истории исторической науки».

«Дидактический фактор» стимулировал создание первой книги, написанной П.М.Бицилли в эмиграции – учебника по всеобщей истории⁴⁷. Петр Михайлович, недовольный своей работой, объяснял появление этой книги исключительно материальными потребностями – «из любопытства», а метод написания определял – «исключительно “от ума”», т.е. без должной работы с источниками. Несмотря на гипертрофированную самокритику П.М.Бицилли сумел создать вполне профессиональный компендиум, который вобрал в себя авторский опыт чтения курсов по всеобщей истории в университете в Скопье, а также в предыдущий, новороссийский период.

Вторую книгу – «Очерки теории исторической науки»⁴⁸ – в отличие от учебника П.М.Бицилли готов был издать «за гонорар или без – безразлично»⁴⁹. Автор прекрасно осознавал значение этой работы, в которой наиболее полно и четко выразил собственное «мировоззрение» и «мироощущение». Это был прорыв на переломе – подведение итогов одесского периода и выход на более высокий уровень научной рефлексии.

Этот труд также был связан с учебной работой – курсом «История историографии», подготовленным еще в Одессе и читаемым в Скопье⁵⁰. Обе книги создавались во многом «от ума». При отсутствии архивов и библиотек П.М.Бицилли не мог «писать истории» и обратился к обобщению своего научно-педагогического опыта, а также к отнюдь не новому для себя направлению – проблемам эпистемологии истории, эволюции историзма в форме уже для него привычной по предыдущим годам – историографический анализ теоретических вопросов истории: «...я написал “об историях” – теоретическую работу...»⁵¹.

В течение трех лет, по выражению самого Петра Михайловича, он «держался старым Запасом». Именно так, с прописной буквы⁵², П.М.Бицилли определяет не просто свой личный архив лекционного и научного багажа времен Новороссийского университета, но и собственный интеллектуальный банк профессионального историка.

Всего за 1921-1923 гг. П.М.Бицилли опубликовал 16 работ⁵³, из них 11 рецензий на книги, изданные в границах 1919-1922 гг. в Германии

⁴⁷ «Увод у светску историју». Београд: Геце Кон, 1923. 203 с. Работа П.М.Бицилли стала первым учебником по всеобщей истории, изданным на сербском языке.

⁴⁸ «Очерки» вышли в Праге в 1925 г. при активном содействии А.В.Флоровского.

⁴⁹ Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 4. (Из письма П.М.Бицилли к А.В.Флоровскому от 2 ноября 1922 г.).

⁵⁰ Не исключено, что разработка этого курса была связана с началом написания фрагментов докторской диссертации, материалы к которой П.М.Бицилли, вероятно, смог вывезти из Одессы и в дальнейшем использовал для создания «Очерков».

⁵¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 9. (Из письма П.М.Бицилли к А.В.Флоровскому от 5 февраля 1923 г.).

⁵² Практически все тексты П.М.Бицилли (и особенно – «Очерки») изобилуют различными графическими элементами: кавычки, курсив, прописные буквы и т.п., которые определяют важные для автора смысловые нюансы.

⁵³ Эту цифру вряд ли можно считать окончательной.

(Берлин, Мюнхен, Гота), Париже, Риме, Софии и Петрограде⁵⁴. Среди авторов рецензированных книг – О.Шпенглер и Э.Мейер, с которыми Петр Михайлович полемизировал на страницах своих «Очерков»⁵⁵.

«Очерки теории исторической науки» в эти годы безусловно стали стержневой работой, которая отразила естественный для исследователя анализ индивидуальных позиций историка, стремящегося к самоидентификации в условиях меняющихся научных парадигм в новом для него геополитическом и социальном поле. Учебник по всеобщей истории, как и ряд других публикаций 1921-1923 гг., были, скорее всего, эпифеноменом творческого процесса в работе над главной Книгой.

«Сербско-македонский» период в жизни П.М.Бицилли стал периодом «адаптации» к совершенно новым, суровым условиям эмигрантской действительности – «культурного одиночества». Петр Михайлович, выдержав нелегкие испытания судьбы, проявил мужество и жизнестойкость и сумел не только избежать «разрыва» в творческой деятельности но, напротив, сохранить личностную историографическую традицию, сформированную в годы профессионального становления в Новороссийском университете, и совершить новый интеллектуальный рывок⁵⁶.

Библиография: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С.Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. 427 с.; Бирман М.А. П.М.Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого //

⁵⁴ 1919 г. – 1 книга (возможно, из «одесского архива»); 1920 – 2; 1921 г. – 5; 1922 г. – 3. Таким образом, «изоляция» не была полной, П.М.Бицилли получал самые «свежие» издания разных европейских центров и очень быстро на них реагировал; вероятно, не последнюю роль играл экономический фактор – гонорар за публикацию рецензий в таком журнале как «Русская мысль» (П.Б.Струве; София, Прага, Берлин) помогал выживать.

⁵⁵ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. СПб., 2012. С.420, 426.

⁵⁶ Последующий «болгарский период» (1924-1953) в жизни П.М.Бицилли, значительно более богатый по диапазону исследований и творческой активности ученого, все-таки во многом был продолжением тем и направлений, заявленных в «одесский период» и актуализированных в «югославские годы» – «переходные», «адаптационно-связующие», при этом часто в качестве «интеллектуального толчка» выступал «старый» (с «одесских времен») прием: рецензирование. Эта специфика творческого процесса П.М.Бицилли определилась с первых лет его научной деятельности: переход к медиевистике на рубеже 1912/1913 годов также начинался с рецензий на работы Ф.Трельс-Лунда, Л.П.Карсавина и др. В 1926 г. выходит первая значительная работа П.М.Бицилли о русской поэзии («Этюды о русской поэзии». Прага. 285 с.). Годом раньше в письме к А.В.Флоровскому Петр Михайлович признавался: «У меня имеется материал <...> происхождение русского литературного языка в связи с культурной эволюцией русского общества. Тема на половину филологическая, на половину историко-социологическая. Я над ней сижу уже довольно давно» (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 19. Орфография по источнику. – Т.П.). Возможно, факт рецензирования работ М.Л.Гофмана («Пушкин». Пг., 1922) и К.И.Чуковского («Некрасов как художник». Пг., 1922) способствовал в итоге появлению филологической составляющей творческого наследия П.М.Бицилли.

Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б.Успенский; Отв. ред. М.А.Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 633-718; *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София: Изд-во «Гуттенберг», 2004. 162 с.; *Галчева Т.* П.М.Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: историко-культурологические работы. Том первый. София: Университетско изд-во «Св.Климент Охридски», 1993. С.7-40; *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с.; *Одеські історики.* Енциклопедичне видання. Том 1 (початок XIX – середина XX ст.). Одеса: Друкарський дім, 2009. 480 с.; *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С. 327-452. [Раздел 6. «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: «Исход» и возвращение»]; *Попова Т.Н.* К истории бициллиеведения: общий абрис // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т.12. Одесса: Симекс-принт. 2013. С.27-76; *Спекторский Е.В.* Воспоминания (Вступит. статья, примечания и комментарии С.И.Михальченко // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Вып. 12. С.303-390; *Спекторский Е.В.* Начало эмиграции (отрывок из «Воспоминаний») / Публ. С.И.Михальченко и Е.В.Ткаченко // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Вып. 16. С.158-169.

Р.С. *Ремарка-цитата:* «...каждый виток обсуждения “вечных” эпистемологических проблем исторического знания не повторяет предыдущих, а продолжает усложнять картину и раскручивать спираль. Я низко кланяюсь позитивизму, марксизму, веберианству, неокантианству, структурализму, школе “Анналов”, кризису школы “Анналов”, постмодернизму... (Себя же я сам считаю постбахтианцем). Это не всеядность и не какой-то пошлый релятивизм (по М.М.Бахтину, не каждый прав по-своему, но все правы вместе)... В наших головах все эти методологии, эти культурные голоса (смыслы), не “снимаются”, никуда не исчезают. Пространство исторической рефлексии расширяется и становится все более артикулированным. Надо думать, это, собственно, и есть исторический синтез? – он предстает не в виде результата и данности, а как путь к нему»⁵⁷.

Р.Р.С. П.М.Бицилли был решительно против «единственно возможного мерила» в исторических конструкциях, он настаивал на разных подходах, на самоценности каждого из них, но «центром кристаллизации распыленных феноменов исторического бытия», с помощью которого, по его мнению, можно соотнести все «многообразие данности», для него был человек, личность, «творец». Среди всех форм анализа исторического бытия он выбирал «анализ человека» – творчески раскрывающегося в области своей

---

⁵⁷ *Баткин Л.М.* Полемические заметки. С. 208.

деятельности, «своей науки». Антропологически ориентированная направленность его взгляда – это модус «человеческого измерения», единственного основания многообразной полифундаментальности в координатах нашего человеческого бытия.